

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 33-й

№ 120 (4399)

СУББОТА,

7

октября
1961 г.

Цена 4 коп.

ПЕРЕД смертью Сократ пригласил в тюрьму музыканта и попросил научить его играть на лире песню.

«К чему, — спросил музыкант, — раз тебе предстоит умереть?»

«Чтобы знать ее перед смертью!»

Легенду эту вспоминает в своих записках старейший актер Малого театра А. А. Остужев. Великого трагика никогда не оставляла мысль о сущности героического, и в юности таким образом геройства казался ему эллин Сократ — человек духа, философ-мудрец, отвергший бегство из тюрьмы, добровольно испивший чащу цикория во славу гражданских законов, всю тщетность которых он сознавал.

Повторяю — в юности. Через несколько строк мы находим у Остужева уже совсем иное определение героического. Великому актеру, одному из главной плеяды стариков Малого театра, посчастливилось жить в советское время. В послеоктябрьские годы он создал многие свои лучшие образы и с полным основанием мог сказать, что не только полюбил, но еще и понял, разгадал светлый смысл нашего времени. Пассивный, молчаливый герой Сократа уже не увлекал Остужева, потому что ему открылась природа героизма строителей и защитников его социалистической Родины.

«Обыкновенные люди, имена которых никто даже не запомнит, — значительней, весомей, героичней в своем поведении, чем многие герои драм и трагедий».

Эти строки писались в последний период творчества Остужева. Они пришли мне на память много лет спустя, в тот день, когда в зале ВТО театральная общественность Москвы встретилась с «небесными» братьями — космонавтами Юрием Гагарином и Германом Титовым.

Обыкновенные советские люди, простые юноши, никому доселе не известные, совершили беспримерный в истории человечества подвиг. В этом подвиге двоих сказалась героизм всего советского народа.

На минуту оторвавшись от происходившего на сцене, я взглянул в переполненный зал. Пришли все, кто только мог прийти, — и убеленные сединами прославленные актеры и режиссеры, и артистическая молодежь. И вдруг собрание это показалось мне своеобразным смотром творческих сил. Перед космонавтами — живым олицетворением героического характера народа — были те, кому представили сценического искусства, предстояло рассказать миру о стране, о героизме своих современников.

И нужно признаться, это был внушительный смотр сил, хотя в зале сидели только артисты и режиссеры Москвы! Сколько же артистических талантов всех поколений в нашей стране! Как щедро одарен ими советский театр! И разве все это не подтверждает реальность и выпол-

ВДОХНОВЕНИЕ

нимость задач, поставленных перед советским искусством в проекте новой Программы партии!

Изменения в общественной жизни нашей страны, произошедшие за пятилетие с XX съезда партии, не могли не привести к демократизации всего театрального дела. Неизмеримо расширились права театров, которые стали истинными хозяевами своей творческой жизни, получили возможность самостоятельно решать вопросы репертуара, привлекать к работе, принимать в свои труппы близких им, интересных и талантливых людей.

Открылась новая перспектива поисков в области драматургических жанров, режиссуры, декоративного искусства. И не случайно пятилетие это, полное исканий, было и пятилетием больших, настоящих побед. Событиями в театральной жизни страны стали «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского в Ленинграде, «Кремлевские куранты» Н. Погодина во МХАТе, «Вечный источник» Дм. Зорина в Малом, «Дали неглядьные» Н. Вирты в Театре имени Моссовета и Воронежском драматическом театре, «В поисках радости» В. Розова в Центральном детском театре; ряд превосходных классических постановок — «Власть тьмы» Л. Толстого в Малом, «Пучина» А. Островского в ленинградском Театре имени Пушкина, «Царь Эдип» в Тбилиси, «Чайка» А. Чехова в Новосибирске, «Гамлет» В. Шекспира в московском Театре имени Маяковского и многие, многие другие, здесь не названные.

Если бы наше искусство не пережило этих пяти лет, вряд ли можно было говорить с такой уверенностью, что сегодня оно уже готово горячо и активно приступить к выполнению новых задач, которые встанут перед ним после съезда.

«...В облике передовых людей нашей страны видны черты человека коммунистического завтра. Эти черты все более проявляются и раскрываются в их мировоззрении, в повседневной трудовой и общественной жизни, в быту», — сказал в одном из своих выступлений Никита Сергеевич Хрущев.

Наш современник, который делами своими приближает будущее, должен стать главным героем советского искусства.

К сожалению, несмотря на успехи, о которых речь шла выше, встречи с таким героем на сцене Малого театра, как, впрочем, и на сценах других театров, не так часты, как нам всем того хотелось бы. И, как никогда, ощущается сегодня недостаток в пьесах большого общественного звучания, публицистической мысли, героических и народных в лучшем смысле этого слова.

Неоправданно широкое распространение

получили пьесы, лишь помеченные сегодняшним днем. Одни из этих пьес более, другие менее эффективны, но содержание их, как правило, случайно. И возникает вопрос: по какому принципу выбирают драматурги жизненный материал — по принципу эффективности или просто берут то, что близко лежит, что на поверхности?

Поэтому не мудрено, что авторы работают в разной манере, а пьесы их похожи. И театры, ставящие эти пьесы, точнее — вынужденные ставить их (голод на пьесы о современности так велик, что приходится брать к постановке заведомо несовершенное произведение и дотягивать, доделывать его в процессе работы), вдруг теряют свое индивидуальное лицо. Поэтому что, как бы своеобразен ни был почерк режиссера, как бы индивидуальна ни была манера драматурга, об истинной индивидуальности, истинном многообразии можно говорить лишь тогда, когда у драматурга, а следовательно, и у театра есть своя тема, над которой драматург работал долго, которую знает лучше других, в которой кровно заинтересован. Какая уж тут любовь и преданность своей теме, когда кочуют из театра в театр целые косяки пьес разных авторов, и все об одном и том же — о нерадивом старом и сразу все исправляющем, сразу выводящем район на первое место новом секретаре райкома; о председателе, который работает хорошо, но не любит культуру и потому не строит клуба и т. д.

Иногда возникает впечатление, что некоторые авторы просто боятся что-нибудь похвалить в нашей действительности. А если и хвалят, то будто через силу, нехотя, по скучной и надоевшей обвязанности. Темперамента, красок, таланта хотят отбавлять, когда дело касается разоблачений и обличий, а как только речь заходит об утверждении положительных идеалов, бесследно исчезают и сила, и краски. Тревожное недоумение вызывает этот контраст, это несоответствие, как очень верно заметил один из наших ведущих драматургов, энергии разоблачительной и энергии утверждения в фильмах и пьесах на современные темы.

Помню, какое тяжелое впечатление осталось у меня после фильма «Время летних отпусков». Безрадостной и тоскливой выглядит там наша жизнь, а герой — какие-то скучные, сломленные люди. Это особенно обидно, потому что повесть А. Рекемчука,ложенная в основу фильма, написана мужественно, в ней ощущим подлинный, неподдельный оптимизм.

Или фильм «Аннушка», где история главной героини представляется цепью нескончаемых и разнообразных несчастий, а сам фильм — сентиментален, расслабленно «чувствителен».

Разумеется, никому и в голову не придет мешать драматургам критиковать теневые стороны нашей жизни, бороться со злом прошлого, которое все еще живет рядом с нами, забывшись в укромные и темные уголки. Но и критикуя остро, политически целеустремленно, всегда важно видеть главное, определяющее, всегда важно сохранять перспективу.

Мне кажется, что причина еще и в том, что многие литераторы не знают своего положительного героя. Разумеется, не сомневаясь, что он есть, что его волей и трудами совершается все великое вокруг.

М. ЦАРЕВ,
народный артист СССР,
депутат XXII съезда КПСС

но не знают, какой он. И вот появляется эдакое средоточие добродетелей, которое говорит бедным языком прописные истины. И смешаются акценты, и поневолеписанное в подробностях и красках зло заслоняет всю осаждаемую прелест и ясность нашего сегодняшнего дня.

Сегодняшний день страны, когда геноцид буквально разлит в воздухе, нащупывает действительность, которая должна приковывать глубокое и пристальное внимание всех деятелей советского искусства без исключения, имеет в виду партия, когда пишет в проекте Программы, что искусство должно стать источником радости.

И только слепой не ощутит это радостное биение жизни вокруг, это багатство красок, сил, характеров в сего дняшней нашей повседневности.

Несколько раз Малый театр бывал с гастрольными поездками на целине. Кажется, совсем рядом та весна 1954 года, когда актерская бригада театра выехала в Казахстан. Были горячие дни завершения сезона на новых землях, и на встречу машине с актерами, вдогонку ей, обгоняя ее, мчались по степным дорогам грузовики с зерном для посева, бензовозы, кинопередвижки. Ощущение широты, простора жизни, бьющей через край, открылось тогда нашим актерам. И долго потом в театре участники поездки вспоминали случай, когда, вернувшись в совхоз вечером, они не могли отыскать

(Окончание на 3-й стр.)

сцену, на которой выступали утром, — на ее месте уже возвышалась стена строящегося дома.

Все это рядом. Совсем рядом. И все это уже ушло навсегда. Целина палаточная, необжитая целина невозвратно ушла в прошлое, уступила место поднятой целине, где полно и широко заплескалась напряженная, интересная, культурная жизнь.

Весной 1954 года спектакли и концерты шли под открытым небом, зрители располагались прямо на земле, а галеркой служила крыша какой-нибудь автопредвижной мастерской. В нынешнем году в Северном Казахстане нас ждали многочисленные совхозные и колхозные дома культуры, клубы с отлично оборудованной сценой, вместительными и удобными залами. Мы выступали в университете культуры для мастеров коммунистического труда. Мы жили в совсем юном городе Рудном, зеленом городе, который соревнуется за звание коммунистического.

Новой стала целина. Изменились и наши знакомцы — хозяева целины, наши зрители и наши герои одновременно, давшие нам счастливую возможность ощутить, как сильно выросла потребность народа в подлинном, большом искусстве, каким требовательным и тонким стал наш зритель.

И эти великие перемены, произшедшие в народе, эта возросшая жажда прекрасного нашли отражение в разделе проекта Программы партии об искусстве, а луч-

ВДОХНОВЕНИЕ

шие, наиболее совершенные черты сегодняшнего человека в совокупности и единстве названы в моральном кодексе строителя коммунизма.

Не прекраснодушная, тонущая в неясной дымке будущего мечта, а реальность выполнимая, грозная и радостная в своей убедительности и неизбежности — вот какой представляется мне Программа нашей партии. В ней — бесстрашный полет фантазии и самый трезвый научный расчет. Она конкретна и потому воспринимается людьми, работающими в разных областях нашей жизни как практическое руководство к действию.

В строках проекта Программы последовательно проводится мысль о том, что сегодняшняя наша деятельность предъявляет к понятию жизненной правды неизмеримо большие требования и вкладывает в это понятие неизмеримо большее содержание, чем прежде.

Современность, не демонстративная, не кричащая, прикрывающаяся внешним соответствием дат, событий, примет, модных словечек, но — органическая, вызванная серьезным интересом жизни страны и народа, глубоким раздумьем о людях и времени, должна утвердиться в искусстве.

Мне хочется обратиться к практике Малого театра, с которым связана большая часть моей жизни. Начиная с «Любови Яровой» дом Щепкина и Островского рос

на современном советском репертуаре. И не случайными встречами, а длительной доброй и плодотворной дружбой был связан театр с Леонидом Леоновым, Борисом Ромашовым, Константином Треневым и многими другими выдающимися советскими драматургами. Театр с самых первых лет Советской власти тяготел к драматическим полотнам, где картина советской действительности открывалась во всей своей полноте, где авторская мысль поднималась до смелых обобщений, где действовали герои сильные и мужественные. Встреча с таким героем становилась незабываемой и для актера, и для зрителя.

Для меня такой радостной и незабываемой была встреча с двумя образами моих современников. Это — генерал Огнев в пьесе А. Корнейчука «Фронт» и особенно последняя моя роль в современном репертуаре — секретарь обкома Ромодан в «Крыльях» того же А. Корнейчука. К обоим этим людям особенно подходит слово «новый».

Новый тип военачальника, родившийся в самые суровые и горькие дни отступления, образ человека, нашедшего в себе мужество учиться на ошибках.

И Ромодан — новый тип руководителя-партийца, государственного человека, в ком сказались величайшие перемены в жизни страны, произошедшие после XX съезда партии, когда были восстановлены ленинские принципы партийного руководства и жесточайшей критике подвергнуты недостатки, вызванные культом личности. Ромодан — образ новый и смелый, образ — явление, не менее значительное, чем Огнев, Яровая, матрос Годун и комиссар Кошкин и многие, многие другие герои советских пьес.

Сейчас, перед XXII съездом, театр и драматургия переживают огромный подъем. В дни съезда работники театра будут держать ответственный творческий экзамен. Будет много премьер. Не стану давать оценки заранее, могу только сказать, что и Малый театр покажет в дни XXII съезда КПСС две новые современные пьесы. Одна из них — «Честность» А. Софронова — заинтересовала театр моральными проблемами, встающими сейчас одинаково остро и перед простой доляркой, и перед партийным руководителем области. Другая — пьеса Дм. Зорина «Весенний гром» — привлекла яркими и мужественными характерами, смелостью конфликта.

Сегодня все мы много думаем о том, как будем жить, что будем играть и как будем играть после XXII съезда КПСС. Главное, чтобы не спадал этот подъем духовных и творческих сил. Чтобы после съезда на гребне волны всенародного вдохновления поднялось и можно было двинуться вперед наше советское театральное искусство.